

В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина

Эта статья связана с проблемой реконструкции нарративной идентичности в авто/биографическом исследовании, с особенностями дискурса эмигранта и человека оставшегося в России, и с этическими аспектами натурального эксперимента как формы социологического познания.

Ключевые слова: биокритика, биокритическая герменевтика, нарративная идентичность, дискурс социолога-эмигранта, дискурс социолога-россиянина.

Дмитрий Шалин
Профессор Университета Невады (Лас-Вегас)

Вступать или не вступать, подписывать или не подписывать, выходить на площадь или не выходить — к этим моральным дилеммам хорошо знакомым советской интеллигенции времен застоя в середине 70-х добавились еще одна — уезжать или не уезжать. Далеко не все имели возможность эмигрировать в то время, а те, кто имел, должен был считаться с возрастом, знанием чужого языка, опасностью осесть в отказе. Решение об отъезде могло негативно сказаться на родственниках и коллегах по работе. Да и сама готовность оставить родину вызвала не однозначную реакцию в среде интеллигенции.

Вопрос об эмиграции, добровольной и недобровольной, широко обсуждался в западноевропейской классике. Марк Туллий Цицерон неоднократно возвращался к этому сюжету. Затрудняясь выбрать сторону Цезаря или Помпея в гражданской войне, Цицерон уйдет в добровольную ссылку, где в письмах своему другу Аттику сформулирует серию этических дилемм, приобретших статус канонических в римской, византийской и позднеллинистической античности:

"Правильно ли оставаться в стране, когда в ней господствует тирания. Все ли средства хороши в борьбе с тираном, если при этом само существование государства оказывается под вопросом. Что если освободитель сам обернется тираном. Следует ли бороться с тиранией в своей стране с помощью аргументов или военными средствами. Выполнил ли человек свой гражданский долг, удалившись от дел на чужбине, или он должен пойти на любой риск ради освобождения родины из-под власти тирана... Обязан ли человек подвергать себя опасности ради своей страны или, заботясь о себе и своих близких, может уклониться от борьбы с властьюмиущими".

Для Цицерона эмиграция оказалась вопросом жизни и смерти. После убийства Цезаря он никак не мог решить, присоединиться ли ему к сенатской партии и продолжить борьбу за республику или уйти в эмиграцию и навсегда оставить политику. В конце концов, он выбрал второй путь и направился в Македонию, но драгоценное время было упущено. Смерть настигла Цицерона 7 декабря 47-го года д.н.э. в пограничном городе, где его убили сыщики Марка Антония. По свидетельству Кассиуса Дио, жена Антония Фульвия затребовала голову Цицерона и истово втыкала заколку из волос в язык оратора как символа ненавистной партии власти свободы слова².

Веком позже Плутарх вновь поднимет вопрос об эмиграции, но для литератора времен упадка Эллады и расцвета Римской империи это уже был вопрос скорее риторический. Фу-

кидид, Ксенофон, Филисус — список достопочтенных мужей, закончивших свои дни в изгнании, более чем внушительен, и нет никаких оснований сомневаться в праведности их жизненного пути: "Все эти и многие другие изгнанники не придавались отчаянью, а полагаясь на свои способности, приняли ссылку как знак судьбы, распорядившейся, чтобы о них помнили и после смерти; те же, кто одержал над ними победу и из-за кого они оказались в изгнании, сейчас преданы забвению"³.

Личный выбор в условиях несвободы — центральная тема моего интервью⁴ с сотрудниками Института конкретных социальных исследований, записанного на пленку 29 июля 1990 года в Ленинграде, куда я вернулся из США после 15-ти летнего отсутствия с попутными ветрами перестройки. За пять дней до беседы состоялось партсоборание коллектива, где большинство членов заявило о своем выходе из партии и роспуске первичной ячейки. Разговор начался с этого знаменательного события и затронул эволюцию сознания социологов, переход от морального противостояния к политическому, мотивы выхода из КПСС и желания ряда партийцев повременить с решением. Далее беседа перекинулась на события 75-го года, решение трех сотрудников ИКСИ эмигрировать из Советского Союза и негативным последствиям этого решения для их коллег. Алексеев предложил озвучить несколько документов из своего архива, включая копию докладной записки в горком КПСС о реакции института на события той поры. После обсуждения документов беседа перешла на мотивы, побудившие Шалина и его коллег искать убежища за рубежом.

Свои комментарии к этому интервью я хочу связать с проблемой реконструкции нарративной идентичности в авто/биографическом исследовании, с особенностями дискурса эмигранта и человека оставшегося в России, а так же с этическими аспектами натурального эксперимента как формы социологического познания.

* * *

Реконструируя прошлое, историк опирается на возможно более широкий круг источников — официальные документы, письма и дневники современников, мемуарные свидетельства участников событий, записанные по истечении времени. У каждого источника есть своя сверхзадача и, следовательно, тенденция представлять события в определенном свете. Именно в этом ключе следует понимать замечание Тынянова: где кончается документ, там начинается работа интерпретатора. При-

¹ Cicero, "Letter to Atticus. March 12, b.c. 49" pp. 187-188 in Cicero. Letters to Atticus, vol. II. Cambridge: Harvard University Press.

² Cassius Dio, Dios's Rome. Vol. 3. Echo Library: Teddington, Middlesex, 2007, p. 54 (47.8.3).

³ Plutarch, "On Exile," p. 557 in Plutarch

⁴ "По мере созревания нравственная конфронтация становится политической. Беседа Д. Шалина с петербургскими социологами" // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. №4, 2010, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/alekseev.html>. Здесь и далее приводится печатный источник, но где это возможно, текст цитируется по электронной версии, которая может не совпадать с печатным источником.

мер тому справка в горком КПСС о профсоюзном собрании сектора социальных проблем личности и социалистического образа жизни от 26 июня 1975 года.

"Главная задача этого документа была — защитить Ядова", подчеркивает Андрей Алексеев, составитель докладной записки. "Что касается отъехавших, то они по тем понятиям для нас были уже покойники. Спасать надо живых". С этой задачей связаны некоторые неточности указанной записки. Так Буторин не мог "выбыть из комсомола по возрасту незадолго до обсуждаемого события", как говорится в докладной, поскольку он родился в 1948-ом году, и в 1975-ом у него было три года до выезда из комсомола по возрасту. Беляева уволили из института в связи с его женитьбой на иностранке, а не в связи с подачей заявления на эмиграцию, что произошло почти через год после бракосочетания. Неверно и то, что Шалин был "немедленно отчислен из института" после подачи заявления на выезд (я уволился добровольно за полтора месяца до подачи заявления). Сомнительные сведения встречаются в других сегментах интервью. Отъезд Беляева не мог повлиять на поведение Буторина и восприятие его коллегами, поскольку Буторин выехал из СССР в ноябре 1974, за полтора года до Беляева. В интервью упоминается прогул Павла Буторина и письмо из вырезывателя по поводу его скандального поведения, что, согласно воспоминаниям Леонида Кесельмана, послужило формальным поводом к его увольнению. Павел человек не пьющий, с вырезывателями дел он не имел, хотя за ним была установлена слежка КГБ. Вопрос о том, уволился ли Буторин по собственному желанию, попал ли он под сокращение штатов или был выдворен за какой-то проступок остался открытым в интервью.

А вот как обстояли дела по версии Буторина-Беляева. Павел работал на полной ставке в ИКСИ. В феврале 1974-го он женился на еврейской девушке, после чего его вызвал к себе Ядов и потребовал, чтобы Павел уволился. Причиной тому, как дал понять Ядов, было давление на администрацию института со стороны КГБ, требовавшего увольнения сотрудника заподозренного в желании эмигрировать. Павел отказался увольняться, после чего была сделана попытка исключить его из профсоюзной организации. Местный профсоюз не нашел причин для исключения, после чего администрация ИКСИ потребовала провести аттестацию данного сотрудника. Павлу было предложено сдать экзамен, который, согласно дирекции, он провалил. В апреле-мае 1974-го Павел был уволен из ИКСИ по причине несоответствия должности. Приглашение из Израиля его семья получила в июне 1974. Исключали Павла из комсомола в Василеостровском райкоме, куда он пришел получать характеристику. В ноябре 1974-го Павел вместе с семьей покинул страну.

Я не уверен, что все в этой версии соответствует действительности и что она исчерпывает нюансы дела, но ее следует принять во внимание. Описываемая история подтверждает, как трудно восстанавливать ход событий и как легко могут искажаться факты по ходу изложения. Причем, искажения в данном случае были по большей части непреднамеренными, во всяком случае, в том, что касалось составителя записки, которому многие факты этой истории были неизвестны. Их можно понять, учитывая задачу докладной записки — вывести из-под удара завсектором Ядова и отрапортовать о реакции на идеологическую несостоятельность отдельных сотрудников института. Однако, искажения такого рода нужно корректировать, особенно когда речь идет о личной ответственности участников события.

По ходу интервью Андрей замечает, что для него "нравственное неприятие тех, кто уезжал в ту пору, связано с положением, в которое они ставили тех, кто остается. В некотором смысле поступок Буторина, который уволился раньше, был для

меня нравственно вполне оправдан, в отличие от твоего отъезда". Суждение Андрея задело меня за живое, и я поспешил возразить: "Это неправда. Я сначала уволился, сказал Ядову за несколько месяцев, что происходит, что я увольняюсь именно для того, чтобы как-то смягчить последствия". В ответ на вопрос, что побудило меня к эмиграции, я пустился в рассуждения по поводу возможных мотивов: "Были люди, для которых это была политическая акция. Кто-то был в безвыходном положении. Были люди, для кого это была экономическая акция. Большинство, наверное, сочетали разные вещи — от неясности с карьерой до желания вывезти отсюда детей как можно скорее, до ощущения, что они задыхаются. Для меня субъективно — и я понимаю, что интеллигенты, они горазды находить аргументацию или рационализацию, — но у меня было такое чувство, что я лучше буду мыть стекла в Колумбийском университете, чем работать профессором в Ленинградском, настолько стало тошно в какой-то момент... Маятник русской истории постоянно движется от, не знаю, Ивана Грозного к [?], от Николая Первого к Александру Второму, от Ленина к Сталину, от Сталина к [Хрущеву, и нет тому конца]. И думал: "Сейчас или никогда, надежды никакой нет, надо собираться, я не должен упустить этот момент".

Пассаж этот пример ретроспективной реконструкции идентичности, продиктованной желанием объяснить себя себе и другим. Узловая парабола — лучше мыть полы в Колумбийском университете, чем профессорствовать в Ленинградском — указывает на стремление к свободе как смыслообразующем начале в моем решении покинуть страну. Так я мотивировал свое решение в 1975 году, но можно ли положиться на такое объяснение? Действительно, оно позволяет понять ход моих мыслей в то время, но его можно считать и рационализацией, желанием выставить себя в лучшем свете. Помимо политических здесь могли быть и другие мотивы — экономические, творческие, семейные. Развести объективные причины и субъективные мотивы такого рода решений сложно. Поступки, предшествующие решению эмигрировать, могут прояснить существо дела, как и послеотъездное поведение человека, но выяснение относительного веса факторов-мотивировок в случае отдельного человека дело бесперспективное. Важнее здесь проанализировать структуру мотивировок в дискурсе эмигрантов покинувших Советский Союз в годы застоя и сравнить ее с авторефлексией оставшихся в России ученых.

На сайте "Международная Биографическая Инициатива" есть несколько интервью с социологами-эмигрантами, предлагающими более или менее развернутую мотивацию своего решения расстаться с родиной. Особенно интересны в этом отношении беседы с Владимиром Шляпентохом, Эдуардом Беляевым, и Борисом Докторовым, а так же интервью с недавно скончавшимся Борисом Работом⁵. Желание уехать социологи объясняют по-разному. В них есть как сугубо личные, так и более общие мотивы, как правило, связанные с политикой.

"Главная причина — за два года до нас туда уехал Саша, наш единственный сын. Скажу так: мы не уезжали из страны, мы ехали к Сане. Мне хотелось жить близко от него, и я не допускал, что типично для Америки, поиска работы в других штатах". Это свидетельство Бориса Докторова, уехавшего из России в постсоветское время (Борис эмигрировал в 1994). Отсутствие политической составляющей в его автобиографическом эссе можно объяснить датой отъезда.

Неприятие советской системы было решающим фактором для Владимира Шляпентоха: "Четыре причины определяли мое желание покинуть страну: 1) невозможность самореализации, 2) невозможность увидеть мир, 3) отсутствие перспектив для

⁵ Шляпентох В. "Социолог здесь и там". Шляпентох В.Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал. М.: Центр социального прогнозирования. 2006. С. 598-658, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/shlapentokh.html>. Докторов Б. З. "Мне наиболее интересны методы познания и сам исследователь..." , http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/doktorov_2006.html. Беляев Э. "Во время Чехословацких событий мы были в Каярику и там между заседаниями ходили по дороге и обсуждали эти события", http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/beliaev_08.html. Работ Б. С. "Как внутренний эмигрант, я все время жил в закрытой стойке", http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/rabbot_08.html.

моих детей и 4) вечный страх КГБ. Непосредственным толчком для принятия позорно откладываемого решения был вступительный экзамен моей дочери в МГУ, циничность которого была уже невыносима". Претензии к режиму копились годами, прозрение пришло не сразу. "Конечно, я шестидесятник, хотя никаких иллюзий насчет советской системы у меня не было и после 20 съезда, который я встретил с восторгом, я твердо исходил из того, что тот социализм, который существует в СССР, есть "истинный" и другим по сути он быть не может, хотя и надеялся в 60-ые годы на его смягчение". В интервью Володи вырисовывается эволюция сознания лояльного советского гражданина, который под влиянием хрущевской "Оттепели" и 20-го съезда КПСС превращается в инакомыслящего интеллигента, чьи столкновения с антисемитизмом, партийным произволом, и репрессиями после Чехословацких событий приводят его к решению эмигрировать.

Ключевым моментом в прозрении Эдика Беляева становится смерть Сталина. "Для меня это был большой момент в моем интеллектуальном развитии. Я увидел, что начинаются перемены в Советском Союзе. Меня очень удивило, и я пытался понять, как это возможно, что Берия оказался врагом народа и его уничтожили. Я уже не верил в это время прессе, пытался понять, почему и за чем. Так что сомнения начались для меня задолго до 20-го съезда, со смерти Сталина. Отвечая прямо на твой вопрос (сомнения насчет коммунизма), я думаю, что это началось на последних курсах университета, и это связано с 20-м съездом, Венгерским восстанием, и тому подобными вещами"⁶. Женитьба в 1973-ем году на француженке открыла Беляеву путь к эмиграции, но как подчеркивает Эдик, его брак не был фиктивным. Решение эмигрировать пришло позже, и брак, стоивший ему работы, ни в какой степени не гарантировал успеха в этом вопросе. Беляев уехал из России в феврале 1976-го после изнурительной борьбы за право воссоединиться с женой в Париже.

Прозрение по поводу советской системы наступило у Бориса Работы задолго до "Оттепели", но мысли об эмиграции появились значительно позже, с началом интенсивных контактов с западными учеными. "Это было для меня тяжело психологически. Я раньше других понял, что такое Советская власть. Большинство моих товарищей, знакомых, которые стали либералами, пришли к этому выводу после XX-го съезда. У меня сложилось отношение к Советской власти значительно раньше, и это сделало жизнь невыносимой. Как внутренний эмигрант, я все время жил в закрытой стойке. Я понимал, что говорить ни с кем нельзя: слишком много стукачей. В компаниях, в товарищеских отношениях это было невыносимо". В конце 40-х Борис был избит сотрудниками КГБ за отказ сотрудничать с органами, что, однако, не помешало его карьере. Он защищает диссертацию, редактирует журнал "Наука и Религия", становится помощником А. М. Румянцева, и возглавляет сектор экспериментальных ситуаций в ИКСИ. Работ упоминает расстущий антисемитизм как один из факторов разочарования в системе: "Я понимал, что черносотенцы в этой стране неистребимы. Я устал от еврейского вопроса, просто устал. Рожа у меня не похожа на еврея, но по паспорту я еврей". Отставка Румянцева и чистка в институте усиливали желание податься в чужие края. После закрытия его сектора и уничтожения только что опубликованной книги, это решение становится вполне осознанным. "После критики Ягодкина на партийном собрании, где обсуждали "Лекции" Левады, мою книгу и еще, по моему, книгу Капелюша, было принято решение избавиться от моей книги, изъять ее из библиотеки. За что? За то, что я называл ведущих социологов Америки (Парсонса, Мертона и других) коллегами. "Как говорит мой коллега", — писал я, и это больше всего возмутило Ягодкина. Постановили сдать книгу в утильсырьё, но потом решили сжечь ее во дворе дома на кост-

ре. Меня об этом предупредили ребята. Было много свидетелей. Я туда не пошел, но попросил взять для меня несколько экземпляров. Это был последний мощный удар". Были и более личные, семейные обстоятельства, побуждавшие к отъезду, в частности знакомство с американкой, приехавшей в Союз по научному обмену. В Марте 1976 года, после полутора лет в отъезде, Борис получает разрешение на выезд.

Как мы видим, в дискурсе эмигранта эпохи Брежнева преобладают политические мотивы и реминисценции. Среди наиболее важных исторических событий, в ходе которых у интеллектуала открывались глаза на ущербность системы, упоминаются 20-ый съезд, хрущевская "Оттепель", расширение контактов с Западом, вторжение в Чехословакию, свертывании либеральных реформ, разгром Института конкретных социальных исследований. Менее универсальны такие причины недовольства системой как давление КГБ, антисемитизм, невозможность поездок за границу, но и они указывают на системные факторы, predisposing к эмиграции. Есть и частные обстоятельства (трудности с работой, разлад в семье, роман с иностранцем), которые могут сыграть роль последней капли или ускорить эмиграцию. Конечно, сомнения насчет советской системы еще не означали намерения покинуть страну. Решение это вряд ли могло возникнуть до тех пор, пока Брежнев не приоткрыл дверь легальной эмиграции в надежде улучшить дипломатические и экономические отношения с Америкой. В этом смысле можно рассматривать поправку Джексона-Веника, принятой Конгрессом США в 1974 году и связавшей торговлю между двумя странами со свободой эмиграции, как *causa proxima* эмиграционного движения. Следует также помнить, что мы здесь имеем дело с ретроспективными реконструкциями, которые Альфред Шютц связывал с "because-motives" и противопоставлял проспективным объяснениям и "in-order-to-motives". Это соображение нужно иметь в виду, когда мы сопоставляем автобиографический нарратив эмигранта с отчетом иммигранта о своих победах и поражениях на чужбине, которые в свою очередь могут оправдывать или ставить под вопрос решение об эмиграции.

В материалах ИБИ есть много критики в адрес страны, где иммигрант нашел прибежище, в частности много нелестных сравнений между академическим миром США и России. Эдик Беляев: "Потом меня очень разочаровали мои деловые контакты с другими американскими социологами. И на конференциях, и в личных контактах... они меня тоже осыпали презрением: "Американская социология — это да! а ваша..." И что было характерно для них всех, они презирали практический подход советской социологии, который я поддерживал, что было, в общем-то, удивительно... А Славянская кафедра от меня отказалась, хотя там была возможность закрепиться на полной ставке". Есть и разочарования в американском образе жизни: "[М]еня настолько возмущает violence в этой стране, и коррупция в этой стране, что мне хочется уехать отсюда... коррупция в медицине, бизнесе, политике... Ну, слушай, Буш практически развалил страну, как развалил страну Горбачев. Это почти одно и то же. Хотя слава богу, что Горбачев развалил Советский Союз". На вопрос, что привлекает в американской культуре, Беляев ответил так: "То, что меня оставляют в покое, никто мне не мешает делать то, что я хочу, читать то, что я хочу, жить, как я хочу. В этом, конечно, есть свои недостатки. По моему характеру, Дима, я ведь очень замкнутый человек, полагающийся на себя. По моему характеру это очень хорошо. И еще мне интересно то, что это страна самонастраивающаяся гигантская динамическая система. Я делаю упор на слове самонастраивающаяся. Это действительно делает страну великой. Мне это очень интересно в интеллектуальном плане". А вот ответ на вопрос, стоило ли уезжать из Советского Союза: "О да. Я так ненавижу эту страну [смеется]... омерзительная страна. Боже мой,

⁶ Беляев Э. "Во время Чехословацких событий мы были в Кярику и там между заседаниями ходили по дороге и обсуждали эти события", http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/beliaev_08.html.

омерзительная страна, и я передаю мое чувство мерзости студентам... Но, видишь ли, Дима, я подхожу к этому честно в том смысле, что я даю им факты. Я не даю волю своим эмоциям в преподавании. Я не занимаюсь пропагандой. Я не даю им теории, я даю им факты "за" и "против", я даю им российские аргументы, с которыми я часто согласен, и аргументы, с которыми я не согласен. Я заставляю их думать".

Владимир Шляпентох не слишком высокого мнения о советской социологии, в особенности в ее теоретической части: "Я утверждаю, что все лучшие советские социологи, там, где они не придумывали концепции, ныне абсолютно забыты, были в теории (с методами дело сложнее, и я поясню) вплоть до 1991 чистые ученики Запада". Но и западной социологии от него достается: "Впрочем, я бы тогда испытывал меньше угрызений совести, если бы знал, что американская социология в 1980-1990-ые годы пережегала нашу советскую социологию по давлению господствующей идеологии во много раз... Политкорректность идеологизировала социологическое образование не меньше, если не больше чем советская пропаганда после Сталина. С релятивизацией социальной науки исчезла потребность в серьезной методологии. Достаточно сказать, что на моей кафедре методы опроса не являются обязательной дисциплиной для аспирантов. Доклады многих аспирантов (они должны во время аспирантуры подготовить не менее двух публичных докладов) равно, как и их диссертации, носят жалкий характер. Аспиранты заменяют научный уровень идеологическим рвением. Большинство тем типа по истории партии в СССР. Критиковать аспирантские работы нельзя, ибо критика будет истолковываться как протест против их замечательных тем. Снижение общей требовательности приводит к тому, что все получают высшие оценки, а семинары аспирантов превращаются в болтовню мало подготовленных молодых людей при том, что профессор по сути ничего не делает, всех хвалит и сам по сути не рассуждает о предмете. Таковы мои впечатления, базирующиеся на опыте моей кафедры среднего университета". В дискурсе иммигранта-ученого обычно упоминаются профессиональные достижения в новом академическом мире, и интервью Шляпентоха тому пример: "Конечно, примерно пять лет ушло на то, чтобы убедить научное сообщество в том, что я могу претендовать на равенство с кем угодно. Моя борьба за признание в Америке началось буквально в первые месяцы моего появления на этом континенте в июле 1979. Постоянный контракт с правительством обеспечил мне довольно-таки приятную жизнь и не потому, что я мог получать "летние деньги" (дополнительную двухмесячную зарплату), а потому, что я мог иметь двух помощников (один из них для редактирования моих текстов), мог покупать в неограниченном количестве книги и фильмы, выписывать любое количество журналов и газет, совершать путешествия куда-угодно и приглашать моих друзей из России. И, наверное, самое важное, что является предметом зависти и моих коллег, и моих двух детей (оба профессора): я могу "выкупать" лекционные курсы и иметь минимальную академическую нагрузку — один курс в год".

Борису Докторову понадобилось время, чтобы найти себя в иммиграции и вернуться в лоно социологии. "Когда я приехал, мне было 53 года: не юноша, но для американской пенсии —

слишком молод; я и сейчас до нее еще не дорос. Мы узнали все прелести начала эмигрантской жизни: полное непонимание окружающего мира, безденежье, фуд-стемпы (квазиденги для покупки продуктов), отсутствие работы и ее поиски. В какой-то момент я работал там, где белого физически и психически здорового американца практически не увидишь... Специальная служба начала помогать мне в поиске работы; я согласился на любую, лишь бы сразу (обычно надо ждать полгода) предоставили медицинскую страховку Люсе и мне. Вскоре я приступил к работе секьюрити в трех минутах ходьбы от дома; сначала по ночам, потом — приобретя опыт — по субботам и воскресеньям". Борис рассказывает о чувстве изоляции, сложностях с работой в академическом мире, роли интернета в контактах с американскими учеными, и, наконец, о возобновлении связей с коллегами из России и возвращении в социологию. "Самая большая трудность в работе — это отшельничество, отсутствие возможности для постоянного нормального общения с коллегами... После возвращения в социологию я постоянно много публиковался, но особенно продуктивным оказался 2005 год. В июне при поддержке Фонда "Общественное мнение" вышла 10-листовая книга "Первопроходцы мира мнений", а в декабре была закончена работа над 500-страничной рукописью "Отцов-основателей". Здесь неоценимую помощь оказал Франц Эдмундович Шереги, еще в самом начале моих историко-научоведческих поисков по-дружески сказавший мне: "Пиши книгу, я ее издам"... Прошло более десяти лет после моего отъезда, но я считаю себя российским социологом, живущим в Америке. Конечно, моя судьба — нелегка, непроста; но ведь каждый скажет: жизнь прожить — не поле перейти. Мои профессиональные пристрастия и добрые отношения с людьми, с которыми я работал десятилетиями, общий оптимизм помогли мне выстоять и, надеюсь, уже в последние годы сказать что-то новое в науке".

* * *

Интересно было бы опросить российских интеллектуалов брежневской поры на тему эмиграции и сравнить их позицию с мотивировкой социологов эмигрантов. Любопытно, что как бы ни сложилась судьба эмигранта в Америке, никто из социологов, представленных в информационной базе ИБИТ, не сожалел о своем решении покинуть страну. Но и их коллеги, навсегда связавшие свою судьбу с Россией, не считали свое решение ошибочным. Выбор был сознательным для тех и для других.

На мой вопрос был ли момент, когда появились мысли об эмиграции, Юрий Левада отвечает: "У меня не было, ни разу"⁸. С ним соглашается Лена Петренко. У Галины Старовойтовой не было практической возможности эмигрировать (ее отец работал в оборонной промышленности), но было четкое сознание выбора: "Либо вот такой путь, то есть полностью аутсайдер, наблюдатель и созерцатель, что не в моей натуре, признаться. Либо эмиграция. Было два пути. В самом деле, тогда я ясно осознавала [выбор] — вступление в партию или эмиграция — для людей моего типа, потому что просто созерцателем в 30 лет я не могла быть"⁹. "И в "гетто" жить можно", замечает Алексеев. "А кому становилось уж совсем невмоготу — эмигрировали, кто за рубеж, а кто в кочегарку"¹⁰.

⁷ Интервью с Б. Работом сфокусировано на советском периоде его жизни, в ней мало говорится о его американском опыте, но сейчас готовится книга воспоминаний о Работе, из которой мы сможем узнать о его работе консультантом правительства США, исследованиях современной России, газетных публикациях, и впечатлениях об Америке. Мне еще не приходило рассказывать о своей жизни в Америке, во всяком случае, по-русски. В Архивах И. Гофмана можно найти мои разговоры с американскими коллегами, где я касаюсь некоторых аспектов моей жизни в этой стране (<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/ega/index.html>). См. также Шалин Д. "Encounters with Robert Merton," Социология науки и техники. Специальный выпуск к столетию Роберта К. Мертон. Ст. Петербург; Нестор-История, 2010, сс. 179-181. Программа биокритической герменевтики, разработкой которой я занимался в последние годы, предусматривает автобиографическое исследование (Dmitri N. Shalin, Pragmatism & Democracy: Studies in History, Social Theory and Progressive Politics, New Brunswick: Transaction Publishers, 2011, Chapter 6. См. также Шалин Д. Тезисы к концепции биокритической герменевтики, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/shalin_bh_theses.html). Но предпринять развернутую автобиографику в рамках данной публикации не представляется возможным.

⁸ Левада Ю. "Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе". Социологический журнал. 2008. No. 1, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/levada_90.html.

⁹ Старовойтова Г. "Вы слишком хорошего мнения о нашей оппозиции, они будут расстреливать на месте на этот раз" // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 6 <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/starovaitova.html>.

¹⁰ Алексеев А. "Рыба ищет где глубже, а человек - где не так мелко...", http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/alekseev_06.html.

Игорь Кон рассматривал возможность остаться на Западе, но, в конечном счете, решил вернуться на родину, мотивируя свое решение следующим образом: "Первый раз у меня была возможность остаться в 65-м году, [когда] я был три дня или два дня в Голландии. Можно было остаться, попросить убежища. Но такие мысли оставались абстрактными. Я думал, что подведу товарищей, есть начатая работа. Была надежда, что все-таки что-то образует. Потом этих надежд уже не возникало... Один только раз я серьезно об этом думал — даже предупредил маму... Мама знала, и мой друг знал. Потом он страшно обрадовался, когда я вернулся. Но всегда сдерживало [сознание того], что я при деле, что делаю что-то важное. А что я буду делать [на Западе]? Ну, будет у меня другая кормежка, будут лучшие условия, но сомнения, зачем мне это нужно и что я от этого приобрету, были всегда. К материальным благам я был равнодушен, меня больше интересовала моя работа. Невыносимо стало в начале 80-х"¹¹.

В биоинтервью социологов оставшихся в России особая роль отводится членству в коммунистической партии. Согласно Андрею Здравомыслову, "продвигаться в нашей области без партбилета было практически невозможно"¹². "В наше время быть обществоведом практически — на 99% — означало быть членом партии. Речь не шла о большой карьере, а просто о возможности заниматься гуманитарной профессией", сообщает Алла Назимова¹³. Хотелось бы уточнить эту цифру. Перечитывая интервью в архиве ИБИ, я обнаружил немалое количество известных социологов, которых эта чаша миновала — Галина Старовойтова, Леонид Гордон, Галина Саганенко, Александр Гофман, Олег Божков, Сергей Чесноков, Леонид Ионин, Алексей Левинсон, Георгий Щедровицкий... Не все беспартийные социологи сознательно выбрали эту стезю: "В партию меня не принимали и до конца этой самой партии так и не приняли, хотя я несколько раз подавал заявление. Очевидно, у тех, кто его рассматривал, было безошибочное классовое чутье", объясняет Леонид Ионин. "Мне говорили, что, не будучи членом партии, мне не защитит докторской, не получить профессорского звания, не поехать за границу и т.д. Я решил, что надо вступить и подал заявление. Несколько месяцев или даже лет секретарь партбюро Института социологии с косящими от постоянного вранья глазами (как секретарь в журнале, у Булгакова) говорил мне, что "нет анкеты", тогда как я видел, что в институте принимают в партию кого попало. Я и бросил ходить к нему. И обе диссертации защитил, и за границу поехал и т.д."¹⁴.

Решение не вступать в КПСС могло быть сознательным шагом, вызванным желанием сохранить чувство собственного достоинства и относительную независимость. Вспоминает Галина Саганенко: "Вот мы беспартийные с Божковым, к примеру, нас уже прихватит на эти крючки, на которые прихватывали этих партийных [сложнее]. У них же был колоссальный крючок — членство в партии. Там уже начинают мордовать, это монстр такой создан — членство в партии... Без этого, с одной стороны, никуда не пропускают, а с другой стороны, это такой крючок сумасшедший. Но вот когда нечего терять, то проще... могу

привести пример, правда, не очень скромно приводить собственный пример. Я опубликовала две книги, и ни в одной книге — ни в первом абзаце, ни во введении — не сослалась ни на один съезд, не сослалась ни на одного Ленина. Это была ритуальная игра, которую на всякий случай все делали. Оказывается, не очень-то это требовалось"¹⁵.

У тех, кто вступил в партию, нет единого мнения об этом решении. Юрий Левада: "Я не стеснялся того, что я занимал там партийную должность, потому что это немножко связывало руки таким людям, как Осипов, и немножко помогало что-то делать. И я тогда мог бы чуть-чуть похвастываться, хотя и ничего особенного, что ни в какие трудные времена у нас не только не уволили ни одного подписанта и ни одного еврея, а наоборот, изо всех сил брали на работу"¹⁶. Однозначную позицию по вопросу о членстве в коммунистической партии занимает Виктор Шейнис: "Я вступил в партию в 63-м году. Тогда у меня не было особых иллюзий относительно этой партии... Я считал, и думаю, что, в общем, это подтвердилось, что, только будучи в партии, я могу реализовать себя в той сфере, в которой я хотел себя реализовать. В отличие от некоторых других моих коллег, у меня не было возможности заниматься гуманитарией, не вступив в партию, после того как меня исключили из комсомола и отправили на Кировский завод...

Я так считал, и я считаю, что был прав. Потому что в рамках партийных структур заданы были те импульсы, которые привели к перестройке... Поэтому я не жалею, что я тогда вступил в партию"¹⁷.

Были, конечно, и те, кто вступал в партию по принципиальным соображениям и кто с болью расставался с иллюзиями по поводу ее созидательной роли: "Партия была "моей" очень давно, где-то в пятидесятые годы. Теперь же я ненавижу пишущих здоровьем, лощеных и надменных молодых людей, занявших кресла в райкомах. Ненавидел обитателей кабинетов на Старой площади, которые на вопросы и просьбы увольняемых отвечали заученной фразой: "Здесь не биржа труда". Тем более ненавидел работников КГБ, строивших собственную карьеру буквально на чужих костях"¹⁸. Это из воспоминаний Вадима Ольшанского, а вот Владимир Ядов никогда не изменял своим партийным принципам, или точнее социал-демократическим убеждениям: "Я совершенно искренне относился к идее справедливого социалистического общества, и сегодня убежден в том, что социал-демократическая программа намного предпочтительнее жесткому либерализму... После 28 съезда, когда многие члены партии публично рвали свои партбилеты, я, будучи директором Института социологии: (а) распорядился отдать комнату партбюро Ин-та какому-то подразделению (след от таблички "партбюро" еще долго оставался незакрашенным), (б) распорядился убрать в подвал бюст Ленина с площадки второго этажа и (с) собрал членов партии, которые были готовы придти на собрание... Свой партбилет после смерти отца я положил в обложку его билета с надписью ВКПБ и хранию до сих пор"¹⁹.

Типичнее иная траектория — постсталинские реформы

¹¹ Кон И. "...Попытки изменить эту систему я предпринимал не раз", http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/kon_96.html

¹² Здравомыслов А.Г. "Без осмысления того, что сделали мы, социологии нет", http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/zdravomyslov_1999.html. С. Чесноков свидетельствует о трудностях с устройством на работу непартийного социолога. "Трушина просил о работе во ВЦИОМ. Он говорит: "Это интересно, хорошо". Прошло какое-то время. Он все оттягивает, просит перезвонить. В конце концов говорит: "Нет, Сережа, ничего не получится". Я говорю: "Почему?". "Понимаете, профсоюзы - это идеологическая организация. В ВЦСПС требуют партийности, а вы не член партии". ВЦИОМ ведь при ВЦСПС организовали сначала... Но на дворе-то был уже 1988 год". Чесноков С. Мне интересен человек как человек...", <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/chesnokov.html>.

¹³ Шейнис В., Назимова А. "На что Попов живо откликнулся: "Это Нина Андреева не меняет принципы, а я развиваюсь. Я живой человек, я меняю принципы", http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/sheinis_nazimova.html.

¹⁴ Ионин Л.Г. "Надо соглашаться с собственным выбором" // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007, №3, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/ionin_07.html.

¹⁵ Саганенко Г., Голофаст В. "Беседа о русской интеллигенции" // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008, №2, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_sag_gol.pdf.

¹⁶ Левада Ю. "Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе".

¹⁷ Шейнис В., Назимова А. Ibid.

¹⁸ Ольшанский В. "Были мы ранними...". Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/olshansky.html>.

¹⁹ Ядов В. "Как я не выходил из КПСС" // Телескоп. 2010, №4, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_aa_90.pdf.

приводят человека в партию, со временем энтузиазм сменяется разочарованием, часто сопровождающимся чувством стыда, с последующим выходом на скрытые формы сопротивления. Яков Гилянский: "Я вступил в КПСС в марте 1962 г. в г. Тихвине. Для того было два повода: идеологический: "оттепель" Хрущева, Сталин и его злодеяния разоблачены, и партии нужны честные, молодые, энергичные люди! И таких молодых идиотов тогда было немало... и прагматический: я собирался перейти из адвокатуры в прокуратуру, замом прокурора Тихвинского района, для этого членство было нелишним... Свой идиотизм я осознал с наступлением "застоя", но выходить из партии было уже смерти подобно. А я, увы, не герой. Вышел я из КПСС в июне 1990 г., еще до ГКЧП, а после него был замом А.Ю. Сунгурова — председателя комиссии по расследованию преступной деятельности КПСС и брал Смольный"²⁰.

У Геннадия Батыгина реакция на политическое прозрение не столь острая. Геннадий признает практическую пользу членства в партии, ее роли в продвижении по службе, но видит он и теневую сторону партийной работы: "С первых же месяцев пребывания в комсомоле, с четырнадцати лет, я был активистом. Нравилось руководить, точнее, создавать руководящие тексты, письменные и устные. В девятом и десятом классах был секретарем комитета комсомола школы. Жалею ли я об этом? Скорее нет... Хотя когда я вступил в партию, мне, конечно, приходилось делать вещи, связанные со снижением самооценки. Например, быть членом бюро Севастопольского райкома комсомола, председателем Совета молодых ученых района, председателем Совета молодых ученых нашего института. Став номенклатурным работником, я почувствовал свою относительную независимость. Но это была независимость внутри данного политического института. Я отчетливо понимал, что путь диссидента, или сопротивления, бессмысленной драки с режимом — тоже неприемлемая вещь"²¹. В последние годы жизни Геннадий чурался политики, советовал молодым коллегам сторониться партийной ангажированности и полностью посвящать себя науке.

По работам Бориса Фирсова, Андрея Алексева, и их коллег можно проследить эволюцию правоверного коммуниста во внутренне свободного, а со временем и политически независимого, человека. Пример Фирсова заслуживает особого внимания, поскольку дает понять, как важно было присутствие партийцев такого рода, сколько добрых дел, будь-то создание дискуссионных клубов молодежи, постановка неконформистских спектаклей, или либерализация телевизионной политики партии, не могло бы свершиться без людей, наделенных властью, порядочностью и доброй волей. Но когда на смену хрущевской "Оттепели" приходит брежневский застой, работа либерального функционера теряет смысл, и Фирсов уходит в академическую сферу, резко меняя партийную карьеру на исследовательскую работу. В это же время углубляются его сомнения по поводу советского режима и возникают вопросы о личной ответственности за государственную политику: "В отличие от А. Яковлева, я долго не трогал конструкцию моего "коммунистического домика", [хотя] признаюсь, мое положение в партии (я стал первым секретарем Дзержинского районного комитета КПСС Ленинграда в возрасте 30 лет) обязывало меня размышлять о сути моей деятельности в качестве функционера партии достаточно высокого уровня. Каким целям я служу — безраздельному властвованию над людьми или пробуждению гуманистического и демократического начала в людях, коммунисти-

ческих и беспартийных, с которыми меня связывала моя ответственная, подчеркну это, политическая деятельность? Над этим вопросом коммунист (не сталинист) Фирсов долгое время не задумывался"²². Понадобились годы, для того чтобы Фирсов нашел ответ на этот вопрос, свел счеты со своей совестью и компартией и смог "написать версию своего отречения от нее в утро первого дня августовского путча 1991 года"²³.

Еще более драматичным был путь к духовному и политическому раскрепощению Андрея Алексева: "Я вступал в партию не слишком рано, но и не слишком поздно — в 27 лет. Работал тогда в газете "Смена". XX съезд состоялся пять лет назад. До вторжения в Чехословакию оставалось еще семь лет. Сверстникам, с которыми учился в школе или в вузе, говорил: чем больше в партии будет порядочных людей, тем скорее преодолеем "наследие культа личности"... По идее, на рубеже 60-х — 70-х можно было бы, по совокупности "еретических" мыслей (пусть еще смутных...), из партии и выйти. Но тут уже срабатывал инстинкт самосохранения. "Ломать себе жизнь" вовсе не хотелось... Да и зачем, когда состою в партии, можно самореализоваться полнее, "принести больше пользы" и т. п.? Вот уже и не наивность, а механизм "двоемыслия"... Здесь замечу, что "разочарование" в марксизме, или его развенчание, как "всесильного, потому что верного" мироучения, было последним в цепи моих мировоззренческих разочарований от 50-х к 80-м годам: сначала — Сталин, потом — советский социализм, потом — социализм вообще и, пожалуй, одновременно, Ленин, и, наконец, — Маркс. Моёй, пожалуй, индивидуальной особенностью, по сравнению с многими ровесниками, было относительно замедленное движение по ступенькам и относительно позднее восхождение на вершину этой "лестницы прозрения"²⁴. В начале 80-х Андрей ушел из института и устроился работать на завод, где его за правдоискательство выгоняют из партии. С началом перестройки он добивается восстановления с сохранением партийного стажа, но вскоре решает окончательно порвать с КПСС. На мой вопрос, заданный летом 1990 года, когда он окончательно освободился от коммунистических иллюзий, Андрей ответил: "Если рассуждать не об ощущениях а, о поступках, то считайте, что позавчера. [До этого] не хватало не просто способностей, а именно силы духа, мужества додумать до конца и перейти от нравственного противостояния к политическому"²⁵.

* * *

Советский ученый, подававший прошение о выезде, шел на разрыв с системой с полным сознанием необратимости этого шага и тем самым предпринимал политическую акцию. Взамен на привычный статус податель прошения получал стигму, *spoiled identity*²⁶, и эта протухшая идентичность становилась неотъемлемой частью общественной персоны аппликанта. С годами стигма эмигранта трансформировалась, превращаясь в знак отличия, становясь предметом гордости или даже зависти других, если, конечно, эмигрант не возвращался на родину как блудный сын. Порвавший с порочной системой человек мог не вызывать особого уважения, но он не заслуживал и осуждения порядочных людей. Неудивительно поэтому, что в дискурсе эмигранта мы не находим явно выраженного желания доказывать правильность своего решения, стремления защитить свои человеческие ценности. Другое дело, когда человек остался в системе, был ее неотъемлемой частью, и не толь-

²⁰ Гилянский Я. ...Я начинал как чистый "уголовник"... // Телескоп. 2005. №2, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/gilinsky.html>.

²¹ Батыгин Б. "Никакого другого пути я даже помыслить не мог...". http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/batygin_2002.html.

²² Фирсов Ф. Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы. СПб. Издательство Европейского университета, 2008, с. 295.

²³ Там же, с. 294.

²⁴ Алексеев А. Ibid.

²⁵ "По мере созревания нравственная конфронтация становится политической. Беседа Д. Шалина с петербургскими социологами".

²⁶ Erving G. Stigma. Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall 1963.

ко выжил, но и преуспел в советские годы. Неэмигранты острее испытывают потребность увязать свое коммунистическое прошлое с постсоветским бытием, реконструировать нарративную идентичность с минимальным когнитивным диссонансом и потерей самоуважения. Стратегическую роль в этом случае играет подбор эпизодов, свидетельствующих о готовности противостоять несуразностям советской системы. Здесь же встает вопрос о "репрезентативности выборки событий, вошедших в биоисторию", возможности "систематических ошибок, связанных с недоучтенными (undersampled) и сверхпредставленными (oversampled) событиями/свидетельствами", "жизненном векторе и мере идентичности человека"²⁷.

Эпизодическая структура авто/биографического повествования основанного на анекдотической выборке исключительно важна для понимания принципов конструирования нарративной идентичности. Здесь прослеживаются различные стратегии, нередко соседствующие в одном и том же нарративе. Одна из таких стратегий упирает на последовательность и трансисторическую целостность личности, другая акцентирует кумулятивное развитие и плавную эволюцию субъекта, третья подчеркивает ситуативную неопределенность и противоречивость экзистенции исторического лица.

Пересмотрите автобиографические заметки Геннадия Осипова, и вы найдете в них множество свидетельств того, что это был врожденный неконформист и убежденный противник коммунистической системы, пострадавший от репрессий за свою независимость и строптивое поведение. Социолог, некогда уверявший читателей, что "Марксистско-ленинское учение является единственной подлинно гуманистической научной теорией общества", что "партийность марксистско-ленинской социологии есть одновременно и залог ее научности", что "огромное значение для развития марксистско-ленинской социологии имели решения съездов КПСС по важнейшим социальным и социально-экономическим проблемам социалистического и коммунистического строительства в СССР"²⁸, в постсоветское время гневно осуждает "предательство национальных интересов руководством КПСС" и "тоталитарный государственный режим и всевластие партократической коммунистической элиты"²⁹ Осипов приводит несколько примеров гонений на него — разнос по поводу публикации книги о математических методах в социологии, попытки перевести Советскую социологическую ассоциацию на хозрасчет, недовольство его связями с иностранными социологами. "Искали любой повод, создавали комиссии, "копали", где могли... Не нашли что-то такое в самом институте — придрались к тому, что ассоциация осуществляет финансовые хоздоговорные работы. Федосеев сразу за это ухватился, дело — в суд, до того на Президиуме Академии наук стали рассматривать. Хотели исключить меня из партии, запретить заниматься научной деятельностью, сняли, как говорится, со всех должностей"³⁰. На заседании Всероссийского социологического конгресса ее организатор и основной докладчик выделил "дело Левады" и "дело Осипова" как два ключевых эпизода в истории отечественной социологии, чье знамя Осипов нес с высоко поднятой головой на протяжении всей своей жизни³¹.

Дело не в том, что Осипова не преследовали (по словам Кона, Руткевич действительно "вытирал об него ноги"³²), а в том, что биовыборку, на которой Осипов основывает свою автобиографию, нельзя признать репрезентативной, если учесть, как он верой и правдой служил советской власти и как менялась его позиция с каждым извивом генеральной линии партии, будь то КПСС или Единая Россия.

Андрей Здравомыслов человек другой закваски. Для него процесс познания был самоценностью, а не ширмой номенклатурных притязаний. Он помог с трудоустройством Докторову и Божкову в трудное для них время и нашел переводческую работу опальному Асееву, когда мало кто осмеливался иметь с ним дело. Тем не менее, эпизоды, отобранные Андреем для автобиографической рефлексии, явно тенденциозны. Как социолог партийного строительства он был человек номенклатурный, вхожий в партийные сферы, выполнявший поручения КГБ, задававший тон на проработочных совещаниях партийно-комсомольского актива, но эта сторона карьеры видного социолога смазана в его биоистории. На вопрос ведущего интервью о его связях с КГБ, Здравомыслов приводит два эпизода. В одном случае он объясняет гебешнику неправомерность отождествления понятий "антисоветский" и "антикоммунистический", в другом рассказывает о демарше по отношению к секретным службам: "Еще один эпизод, чтобы покончить с этой темой, состоял в следующем. Однажды, уже после этого случая, на кафедру пришел человек из органов, которого я знал в лицо, и сказал, что меня просит зайти один из самых высоких начальников этого учреждения. Подумав, я сказал: "Если NN хочет со мной поговорить, то вот мой кабинет, я с удовольствием с ним побеседую на моем рабочем месте, когда ему будет удобно". Человек несколько опешил: "Как? Так и сказать? ". "Так и скажите", — ответил я. Больше ко мне не обращались, и NN на кафедру так и не пришел"³³. Прошла ли эта акция в годы застоя или в горбачевские времена не сообщается. Есть в мемуарах Андрея и другие эпизоды, указывающие на его несистемные установки (например, публикация данных о бюджете времени партийных работников, вызвавшая недовольство партаппарата), но стремление Андрея увязать свои постсоветские взгляды с советской практикой указывает на ретроспективную ошибку (retrospective bias). Ошибка эта прослеживается в большинстве биоисторий, в том числе, принадлежащих либеральным обществоведам.

Так Батыгин рассказывает о том, как он защищал товарища по курсу, отчисленному из университета, отбивался от обвинения о создании "тайной редколлегии, состоящей из евреев", защищал в парткоме позиции Ядова, но не особенно распространяется о том, как он прекрасно уживался с Руткевичем или голосовал за партийные резолюции, осуждающие политических оппонентов.

Интервью Гишинского не оставляет сомнений, что в советское время он был человеком со связями: "Несколько лет был членом Президиума Ленинградской областной коллегии адвокатов, неоднократно привлекался Минюстом РСФСР в качестве ревизора, имел "допуск" к ведению дел, подследственных КГБ, и вел соответствующие дела: об измене родине, об антисо-

²⁷ Шалин Д. Тезисы к концепции биокритической герменевтики http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/shalin_bh_theses.html.

²⁸ Осипов Г. Теория и практика социологических исследований. Москва: Наука, 1970, сс. 159, 142, 40.

²⁹ Осипов Г. В., Кузнецов В. Н. Социальная роль социологии в 21-ом веке, http://www.ispr.ru/Confer/Images/Osipov_Kuznezov.pdf. См. также "Becoming a Public Intellectual: Advocacy, National Sociology, and Paradigm Pluralism," pp. 331-371 in Dmitri N. Shalin, Pragmatism & Democracy: Studies in History, Social Theory and Progressive Politics. New Brunswick: Transaction Publishers, 2011.

³⁰ Осипов Г. "Мы жили наукой". Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. - СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/osipov.html>.

³¹ "Отечественная социология: история и современность". Доклад Г. В. Осипова на пленарном заседании Всероссийского социологического конгресса, 21 октября, 2008, http://www.isras.ru/publications_bank/1225522483.pdf.

³² И. Кон. Интервью с Д. Шалиным, 2008 г., Лас Вегас.
³³ Здравомыслов А. "Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит - надо искать объяснения в мире людских отношений" // Телескоп. 2006, 5, http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1210866897380723file.pdf.

ветской пропаганде и агитации"³⁴. Но вместо деталей его сотрудничества с КГБ и примеров несправедливых приговоров, к которым он имел отношение, Яков приводит два эпизода, где он спасает от смертного приговора одного осужденного и освобождает от заключения другого.

Из интервью Могилевского мы узнаем, что "в те годы (как, впрочем, и сейчас) в абсолютном большинстве случаев суд шел на поводу у следствия и государственного обвинения, судьба подозреваемого часто решалась на административном уровне, а не на уровне работы следователя."³⁵ Далее автор рассказывает, как он ненавидел систему и сопротивлялся произволу ("строптивость характера отталкивала начальство"), хотя конкретики в этом обзоре мало. О своей книге Могилевский говорит следующее: "Как и большинство книг того времени, моя монография была рассчитана на читателя, умеющего читать между строк. Не обошлась она и без ритуальных заклинаний, с которыми мне сильно помог редактор, — без этого вряд ли она бы увидела свет... то, что говорилось и писалось, в большинстве случаев не совпадало с тем, что сам наблюдал и чувствовал, возникало ощущение фальши, обмана, всеобщей лжи". Читатель должен додумывать, на какие компромиссы автор должен был идти, чтобы продвигаться по службе.

Кесельман живо описывает службу в армии, своего сержанта, "который буквально засыпал меня нарядами вне очереди, количество которых явно превышало общую совокупность аналогичных наказаний, полученных всеми остальными новобранцами нашего взвода", и остается загадкой, как после всех этих походов и взысканий он умудрился получить назначение на пост освобожденного секретаря комсомола своей части³⁶.

Хочу подчеркнуть, что не подвергаю сомнению тот или иной эпизод в вышеупомянутых автобиографиях. Более того, я убежден, что любознательность, завидная энергетика, новаторские установки известных социологов в советские годы имела прямое отношение к их профессиональной судьбе. "Девянтное, анархистское, ницшеанское, отрицающее всегда бродило во мне", свидетельствует Гилянский³⁷. "Наверное, во мне был ресурс коммуникабельности, неизбывной потребности что-то делать для других и уверенности в себе. Дружба была превыше всего, и я с энтузиазмом руководил похищением классного журнала и погружением его в вечность глубин реки Карповки в присутствии всего класса... за коллективные и индивидуальные художества мне в старших классах дважды снижали оценки по поведению и один раз исключали из школы". Эта виньетка из жизни Бориса Фирсова³⁸ указывает те качества, без которых он не смог бы подняться по вертикали власти, равно как и те, что помогли ему вовремя сменить карьеру партийного бонзы на мантию ученого³⁹. Тем не менее, нужно видеть, как биографический материал разворачивается согласно законам жанра и требованиям времени, как подобно святому Августину социолог-функционер приходит к прозрению, сбрасывает оковы отжившей идеологии и встает на путь нравственного очищения.

В одной из последних работ Батыгина содержится следующее наблюдение: "В автобиографиях российских социологов модальный сюжет — принципиальный конфликт с господствующей идеологией (даже у тех, кто специализировался по научному коммунизму)"⁴⁰. В конфликте этом социолог постсоветского времени видит себя критиком системы, тщательно подбирая анекдоты из прошлой жизни, свидетельствующие либо об изначальной независимости суждения, либо о постепенном изживании остатков коммунистической идеологии. Относительно мало внимания здесь уделяется сосуществованию противоречивых установок, двоемыслию и двоедействию, характерных для жизнестроительства советского интеллигента.

Наталья Мазлумянова обращает внимание на существование "в культуре приемлемых ролевых сценариев, "легенд" (почти как у разведчиков), скрытых за текстом личностных систем ценностей, установок, неартикулированных мотивов, интенций... если человек рассказывает, как он защитил двоих, но не говорит, что "утопил" десятерых, — это принципиальные искажения. С Фирсовым тоже. Я вам уже говорила, что из текста его интервью можно узнать многое о ряде событий "в верхах", куда большинству вход запрещен, и это замечательно, я читала с интересом. Но самого человека не видно — его движущих мотивов, ценностей, целей. То, что все, кто чего-то добился в этих сферах в советское время, — аппаратчики или кто уж они там, меня всегда смущало. Хочется увидеть человека изнутри, а уж такого — особенно. Прежде всего, это фрондерство в разрешенных пределах, которое не мешало сохранять послушание системе в главном и даже помогало продвигаться по карьерной лестнице (и при этом позволяло сохранять самоуважение — с кукишем в кармане). В этом отношении, конечно, ядовитая позиция мне милее, когда он говорит "я искренне верил". Правда провисает вопрос: "В брежневские годы тоже верил?". Я его об этом спрашивала, но ответ не остался в памяти, что-то невнятное. Хотя понятно, конечно, — человек уже в системе, куда он денется с подводной-то лодки?"⁴¹. Комментарий Мазлумяновой появился на сайте ИБИ в 2006 году в ответ на мои заметки об интервью с советскими социологами⁴². С тех пор Борис Фирсов опубликовал книгу, где описал свою партийную карьеру и проследил путь к интеллектуальной свободе и политической независимости. Но биографический материал Фирсова и Андреева скорее исключение из правила; большинство социологов россиян, да и социологов эмигрантов, не заостряет внимание на сотрудничестве с советской властью.

На сайте ИБИ опубликована полемика по поводу роли интервьюера в раскрытии образа социолога, о его праве выспрашивать респондента о неприятных аспектах его прошлого. Борис Докторов считает, что респондент имеет право выстраивать свой образ без помех: "Я хочу, чтобы мои герои подали себя с лучшей стороны"⁴³. Более того, Борис указывает на невозможность публикации всего, что всплывает по ходу интервью: "Наконец, реально я живу в том сообществе, которое я изучаю, описываю, хотя я живу и в Америке... если бы я складывал ин-

³⁴ Гилянский Я. Ibid.

³⁵ Могилевский Р. "Я бы назвал себя социологом - консультантом" // Телескоп. 2006, №2, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/mogilevsky.html>.

³⁶ Кесельман Л. "...Случайно у меня оказался блокнот "в клеточку"" // Телескоп. 2005, №5, <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/keselman.html>.

³⁷ Гилянский Я. Ibid.

³⁸ Фирсов Б. "О себе и своем разномыслие..." // Телескоп. 2005, №1, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/firsov_2005.html.
³⁹ Я знаю это по собственному опыту. Интерес к общественной работе в школе у меня не было; в пионеры и в комсомол меня принимали в последнюю очередь. Но когда пришла пора решать, куда идти учиться после школы, я озабочился о своих оценках, по конкретным предметам и по поведению, и получил приличную характеристику в университет. На третьем курсе комсорг Л. Слепак предложил мне стать его заместителем по идеологии, на что я согласился, и хотя меня удалили с этого поста на следующем курсе после бурных обсуждений чехословацких событий, это назначение могло помочь с направлением в аспирантуру.

⁴⁰ Батыгин Б. "Карьера, этос и научная биография: к семантике автобиографического нарратива". Моральный выбор. Ведомости. Вып. 20 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карноухова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2002, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/batygina_autobio.html.

⁴¹ Мазлумянова М., Докторов Б. "История всегда авторская" http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/mazlumyanova_doktorov.html.

⁴² Shalin D. "Comments on the History of Russian Sociology Project", http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/shalin_comments1.html.

⁴³ Мазлумянова М., Докторов Б.: Ibid.

тервью в сейф лет на 50, то, может быть, строил бы беседы иначе, но я стараюсь публиковать тексты сразу... и я прекрасно понимаю, что человек, говорящий со мной сегодня и завтра становящийся героем публикации, на третий день встретится со своими коллегами... он же после интервью не переезжает в другой город, не уезжает в другую страну... А как говорить о тех, кого уже нет в живых? Мы знаем: о мертвых либо молчат, либо говорят хорошо, ну за исключением тиранов, злодеев, чикатил разных".

У Андрея Алексева свои сомнения о поводе всеядности материалов размещенных на сайте ИБИ. "В общем, если тебе так уж нужна "репрезентативная" выборка (так сказать, "каждой твари по паре"...), то не лучше ли воспользоваться для этих целей уже имеющимися материалами, а себя как бы "поберечь"... от этих мазохистских упражнений? Уж не говорю о том, что "объективистское" соседство в твоей выборке, скажем, Ядова и Парыгина выглядело бы по меньшей мере странно. Хоть и тот и другой "успешны"... К критерию "успешности" ("много сделал"...), более или менее объективному, я бы добавил еще вполне субъективный критерий "приличности" (с точки зрения автора проекта, разумеется). А то рядом с потенциальной "очередью" в твою галерею не выстроилась бы очередь на выход из этой галереи". В тексте предварительных заметок обращенных к Докторову и Шалину (на ИБИ размещен сокращенный текст его доклада) Андрей пишет: "Вообще, к этим интервью, к их собранию (а не только к отдельным авторам), можно, наверное, предъявить претензии. <...> Что, от части, делает Д. Шалин в своем комментарии. Мои неприязнительные и заинтересованные наблюдения "изнутри" в общем парадоксально совпадают с его, пожалуй, отрешенным и академическим взглядом "человека со стороны" (хоть и тоже пристрастными, когда дело заходит до его собственных воспоминаний). Практически каждый автор у него предстает (и действительно является!) некоторым творцом "легенды" собственной жизни и профессиональной карьеры, в которой что-то выпячено, а что-то затушевывается, а что-то и вычеркнуто из памяти, иногда сознательно, иногда бессознательно это происходит... И Д. Ш. как бы ловит наших коллег на таких "смещениях акцентов"⁴⁴.

За несколько лет до начала проекта Интернациональной Биографической Инициативы Олег Божков указывал на важность вопроса о том, как далеко интервьюер может идти в поисках нужной информации: "Социолог не следователь, его задачей не может и не должно стать уличение (изобличения) информанта в искажении фактов, в сознательном или бессознательном обмане (а биографические данные чаще всего искажаются именно бессознательно). Задача социолога — установление взаимосвязи между различными социальными фактами... Именно поэтому для социологического анализа наиболее актуальна постановка вопроса не о различиях между реальной жизнью и рассказами о жизни, а о соотношении событий индивидуальной жизни с событиями историческими или с жизнью общества... Вопрос о совпадении или несовпадении реальной жизни и рассказа о жизни не снимается. Внимание сосредоточивается здесь на социологических аспектах проблемы"⁴⁵.

На схожую проблематику выходит Лариса Козлова: "Возни-

кает вопрос: как же быть с правдивой информацией, которая негативно характеризует самого рассказчика или других его героев? Что предпочесть исследователю: милосердие или научную честность? Здесь интервьюер близок к проигрышу в любом случае: или он "обеляет" кого-то (что-то) и искажает изучаемую картину, или он не грешит перед научной достоверностью, но становится мишенью для коллег, обвиняющих его в скандальности или непорядочности. Какое решение здесь станет "соломоновым", — зависит от каждого конкретного случая"⁴⁶.

В биокритической практике мы нередко сталкиваемся с нежеланием персоналий или наследников быть объектом изучения, с отказом в доступе к архивам, с требованием исключить неудобные факты из рассмотрения. В распоряжении биокритика могут оказаться нелицеприятные материалы, касающиеся третьих лиц. В этой связи встает вопрос о границах такта и научной этике, но консенсуса по поводу норм и правил решения этого вопроса нет. Для биокритика здесь важна установка Вольтера: "К живым мы должны относиться с уважением, мертвым же мы обязаны только истиной". При этом мы должны ввести понятие истины в контекст редакционной политики времени, изучить "этические горизонты эпохи и исторические особенности дискурса и практики познания истинно(стно)го" (см. Тезисы к концепции биокритической герменевтики).

Эта проблематика имеет прямое отношение к методологическим проблемам исследования истории российской социологии в лицах, сложностям сочетания авто/биографической и историко-аналитической перспектив, этике мемуаристики, биографии, биокритики, и натурального эксперимента. В последнем разделе своих заметок я хочу обозначить некоторые направления исследований этого узла проблем.

* * *

Читая замечательную книгу Андрея Алексева, "Драматическая социология" (далее обозначенную сокращением "ДС")⁴⁷, я обратил внимание на большое количество купюр, каждая из которых тщательно отмаркирована. Специально не подсчитывал, но, думаю, одна-две купюры на каждую из 2500 страниц театралогии. В книге и других публикациях, как и в нашей переписке, Андрей объясняет правила изъятия информации — просьба корреспондента, невозможность проверить конкретное свидетельство, необходимость оградить репутацию человека, неправомерность распространения нелицеприятной информации о третьих лицах, или просто желание не раздувать объем книги. Необходимость изъятий, временных или постоянных, сомнений не вызывает, но правомерность их не всегда очевидна. Порой у меня возникали вопросы по поводу той или иной купюры (почему, например, одному человеку предоставлялась возможность изъять критический пассаж или откомментировать его, а другому нет⁴⁸). То, что использование купюр требует протокола, вряд ли нужно доказывать; отсутствие его ведет к издержкам и вызывает возражения. Вот свежий пример.

Мое интервью с Юрием Левадой 1990-го года существует в

⁴⁴ Алексеев А. "К вопросу об "Истории российской социологии в лицах". Февраль-апрель 2006 г. См. также Алексеев А. Биография. Наука. История (К созданию коллективного автопортрета российских социологов). Доклада на Четвертых международных чтениях памяти В. В. Иофе Право на имя. Биографика XX века: Методология составления и изучения биографий (Санкт-Петербург, апрель 2006), http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/alekseev_bioscience.html.

⁴⁵ Божков О. Биографии и генеалогии: Ретроспективы социально-культурных трансформаций // Социологический журнал. 2001. №1, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/bozhkov_biographies.html.

⁴⁶ Козлова Л. "Биографическое исследование российской социологии: предварительные теоретико-методологические замечания" // Социологический журнал, 2007, № 2, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/articles/kozlova_bio.html.

⁴⁷ Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 1-4. Санкт Петербург: Норма.

⁴⁸ Андрей приводит характерную историю со своим давним оппонентом, который попортил ему жизнь в 80-ых, а в 2000 году принес свои извинения: "Я эти извинения принял, а потом заметил, что поставлен нашим разговором в затруднение: в мою книгу уже включен протокол того самого заседания, где... и т.д. Следует ли мне теперь сделать купюру в публикации документа или... Владимир Лисовский сказал, что купюру делать не надо, и разрешил мне обнародовать его извинения" ДС 2,368.

двух редакциях — одна в "Социологическом журнале" (а также в формате html на сайте ИБИ), другая в сборнике памяти Левады, изданном в 2010 году его вдовой. В сборнике много интересных материалов, включая воспоминания Геннадия Осипова. Я порадовался присутствию столь разных имен в книге, но перелистывая свое гарвардское интервью с Юрием Александровичем, обнаружил в нем пропуски. Ключевой пассаж, где Левада говорит о своей роли партсекретаря ИКСИ и о том, как это "связывало руки таким людям, как Осипов" там воспроизведен неполностью, без упоминания Осипова⁴⁹. Любопытно, что пропуски или сокращения в других материалах сборника оговаривались. Можно понять составителя, желавшего включить как можно больше материалов и, по-видимому, не хотевшего раздражать кого-то из участников, кто мог бы потребовать исключения материала с неприятными ассоциациями или воспротивиться публикации собственных воспоминаний. Тем не менее, этикет изыятия в данном случае не был соблюден, и уместен вопрос, кто, как и почему принял это решение.

Интервью, послужившее поводом для этих заметок, так же напечатано с купюрами. В частности, участники беседы согласились опустить упоминание ныне здравствующего социолога, выступившего с суровым осуждением Шалина на партийно-комсомольском собрании в 1975-ом году. А что, если бы этот социолог воспротивился такому решению, пожелал откомментировать события тех лет, указал на фактические неточности, предвзятость интерпретаций, предложил альтернативное объяснение?

Решение подать заявление на эмиграционную визу было моим и моей семьей, но, как мы видели, оно поставило под удар моих коллег. Учитывая последствия моего шага, я за несколько месяцев предупредил Ядова о своих намерениях, заранее уволился из института, и отретировал со своими друзьями их выступления на собрании ИКСИ ("валите все на родственников Шалина, направивших лыжи в Израиль"). Результат был чем-то вроде естественного эксперимента, высветившего степень правоверности участников собрания. Я бы дал многое, чтобы избежать сей ritual degradation ceremony (Гарфинкель), но чтобы выехать из СССР, мне нужно было пройти через гражданскую казнь, предписанную официальным протоколом. Тем не менее, я сознавал, что я ставлю коллег в сложное положение и несу долю ответственности за последствия экзекуции, в которой они были обязаны принять участие. Насколько я могу судить, больше всех пострадал Володя Ядов, хотя у него были свои счеты с горькомом и сотрудниками вроде Антипиной. Он, кстати, избегал резких оценок и проявил такт во время своего выступления. Другие участники понесли урон скорее моральный и психологический, чем профессиональный и материальный, а кто-то, возможно, укрепил свою репутацию идеологически стойкого, принципиального работника идеологического фронта.

Я употребил выражение "естественный эксперимент" по отношению к собранию, но это верно только отчасти (применительно к данному случаю выражение это лучше брать в кавычки). Провинившийся сотрудник и участники собрания импровизировали по ходу дела, но придерживались (хотя не все и не во всем) установленного сценария. Запротоколировав ситуацию, можно было бы многое высветить в структуре советского общества, механизмах двоемыслия и природе идеологического контроля. Мы все принимали и принимаем участие в вольных или невольных "натурных экспериментах" такого рода, и по ходу дела, воспроизводим и/или трансформируем общество, в котором живем. Вопрос: имеем мы право вовлекать сограждан в наши эксперименты, можем мы это делать без их

согласия, и в какой степени мы отвечаем за последствия эксперимента?

"Драматическая социология" и ее продолжение "Профессия — социолог" (далее обозначенного сокращением "ПС")⁵⁰ ставит этот вопрос ребром. "В изложенном исследовательском подходе синтезируются практическая деятельность, рефлексия и игровой момент ("игра" с социальным объектом). Вышеописанный способ исследования мы называем ДРАМАТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИЕЙ" (ПС 2.156). Но объект в данном случае суть субъект, живое существо, которому может быть ничего не известно об эксперименте. Когда объект исследования узнает о намерениях экспериментатора, он может всячески протестовать его проведению, требовать сохранить свою анонимность, или предложить собственную трактовку событий отличную от трактовки исследователя. Этические нормы здесь совершенно необходимы, как это отлично понимает Андрей. У субъектов натурального эксперимента "оказавшихся в положении как бы "объектов исследования", возникает своего рода психологический дискомфорт, резкое отторжение наблюдателя, не скрывающего своей позиции. Их "самооборона" нередко принимает вид обвинений в провокации. Тут есть проблема — не только в применении, но и в трактовке метода. Даже приходилось слышать: провоцирующее (в смягченном варианте — провокативное) участие — наряду с наблюдающим" (ПС 1.27).

Андрей предлагает несколько формулировок правил, ограничивающих сферу и форму применения естественного эксперимента. Вот одна из них: "В случае наблюдающего участия исключено (запрещено!) всякое действие, которое не было бы продиктовано аналитической и/или деловой и/или смысловой задачей (соответственно, комбинацией этих задач и мотивов)"⁵¹. Рекомендация эта вряд ли работает — трудно представить установку экспериментатора, которая бы не включала в себя аналитическую, деловую или смысловую задачу и тем самым ограничивала свободу действий исследователя.

А вот иная формулировка этических ограничений обязательных для социолога-экспериментатора: "Эксперимент над "другими людьми" социологу запрещен по моральным соображениям; так что непосредственными объектами эксперимента воздействия здесь выступали не люди как таковые, а "носители социальных ролей", представители социальных институтов, в частности, институтов власти... Действительным объектом исследования в случае наблюдающего участия и т. п. являются вовсе не конкретные люди, а социальные отношения и институты, или, можно также сказать, люди исключительно в их общественных, публичных действиях и функциях. Осознание этого обстоятельства имеет принципиальное значение и налагает этические ограничения на исследователя. Наблюдающему участнику не позволено вторгаться в частные сферы, если только сами "герои драмы" не включают эти сферы в свое публичное поведение" (ДС 2.447, ПС 1.27).

Эта нормативная установка также вызывает возражения. Разведение людей и институтов — можно экспериментировать с ролями, но не с их носителями — проблематично для социолога-гуманиста, для которого не существует институтов помимо их человеческого субстрата, и сомнительно этически, поскольку не оберегает репутацию объекта и в каких-то случаях ставит под угрозу его привычное существование. Л. П. Смирнов, главный технолог завода, где работал Андрей, выразил сомнения по поводу разумности публикации статьи Андрея с критическими замечаниями в адрес заводской администрации, но если бы он этого не сделал, то рисковал бы своей работой, поскольку Андрея уже исключили из партии и преследовали по

⁴⁹ Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде. Составитель Т. В. Левада. Москва: Издатель Карпов Е. В. 2010, с. 317.

⁵⁰ Алексеев А. Ленчовский Р. Профессия - социолог. Документы, наблюдения, рефлексии. Том 1-4. Ст. Петербург: Норма.

⁵¹ Алексеев А. Познание через действие (Так что же такое "Драматическая социология"? // Телескоп. 2006, No. 5, p. 12, http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1210866939113785file.pdf.

линии КГБ (ДС 3.140). В другом месте Андрей описывает свои отношения с Людмилой Кутыриной, инженером-технологом, чьи действия указывали на ее некомпетентность, но можно понять и Кутырину, поскольку ее требования и просьбы к Андрею были продиктованы абсурдной системой, от нее мало зависящей. Временами действия ее сотрудника доводили ее до слез, но, как замечает Андрей, "нам с А. С. жаль ее не было" (ДС 3.156). А мне ее жалко; все-таки человек, а не морская свинка или собака Павлова, доведенная экспериментатором до нервного срыва. И каково будет Кутыриной или ее детям читать о разгильдяйстве и некомпетентности данного субъекта?⁵² Уверен, что Кутырина не хотела принимать участие в этом эксперименте, и предпочла бы остаться безымянной в отчете социолога-наладчика. Наверное, у этой женщины были и другие человеческие качества, которые автор не усмотрел или не счел нужным упомянуть. Не гуманнее было бы вывести эту женщину в книге под псевдонимом?

Формула "перемен не надо "ждать", их надо — самим осуществлять" созвучна активистской перспективе драматической социологии и личным установкам социолога-рабочего, социолога-наладчика, социолога-экспериментатора... социолога-аккушера? Да так, ведь Андрей активно содействует появлению на свет новых социальных форм. Но что если эти роды окажутся преждевременными, если гипер-стимуляция новых институциональных форм плохо скажется на их носителях? Вряд ли можно считать исследование Андрея "акционистским" в духе Турена или "публичным" в смысле Буравого, поскольку оба эти автора имеют дело с хорошо информированными субъектами, добровольно согласившимися принять участие в эксперименте и имеющими право выйти из него в любое время.

"Конечно, каждый из наших коллег и друзей ознакомился с фрагментом, имеющим к нему непосредственное отношение" (ПС 543). И Голод и Божков и Елисеева и Дука — все коллеги или только коллеги-друзья, упомянутые в книге? Это важно уточнить: действительно ли всем коллегам была предоставлена возможность 1) познакомиться с соответствующим фрагментом, 2) откорректировать релевантные детали, 3) предложить свои воспоминания, 4) ответить на нелестную критику, 5) остаться анонимными участниками событий. Можно представить, как реагировали сотрудники института, если такое право им не было предоставлено, как вели себя коллеги по Социологической ассоциации, когда они уразумели, что все их слова и действия могут быть запотолированы и преданы гласности. С одной стороны, здесь соблюдается норма, согласно которой "в жизни можно играть только с подобными и равными себе" (ДС 3.72). С другой стороны, как быть, если ты не хочешь вступать в эти игры и становиться объектом наблюдения — чураться экспериментатора, требовать анонимности, обращаться в профком, апеллировать к профессиональному кодексу социолога?

Прочитав "Драматическую социологию", я вышел на сайт своего университета, где опубликованы правила экспериментирования с людьми и объясняются права субъектов исследования, и убедился, что исследование Андрея Алексея не мог-

ло быть одобрено ни одним исследовательским учреждением в Америке. Во-первых, автор не получил согласия (informed consent) участников эксперимента. Во-вторых, он не обеспечил анонимность субъектов исследования. В-третьих, его процедуры подвергли участников стрессу. В-четвертых, у субъектов не было возможности выйти из эксперимента по своему усмотрению. Добавлю от себя, что автор не предоставил возможности всем респондентам ответить на его критику и сформулировать альтернативную точку зрения на описываемые события.

Какое отношение эти размышления имеют к проблеме реконструкции нарративной идентичности? Не уверен, что все они уместны, но попробую объяснить.

Протоколы жизни пишутся заинтересованными лицами. Как бы тщательно они не составлялись, что-то неизбежно остается за кадром. Существенно и то, что далеко не вся запотолированная информация придается огласке (вспомните огромное количество кушор в восьми томах ДС и ПС). Незафреймованная реальность могла бы найти отражение в протоколах-воспоминаниях других участников событий, особенно тех, кого автор критикует, но их голос плохо слышен в повествовании. Мы должны также помнить, что биокритическое изыскание завязано не только на биографию исследуемого, но и исследователя. "Тут мы имеем дело с двойной герменевтикой — субъект и объект познания встречаются в виртуальном пространстве и ведут друг с другом скрытый, а иногда и открытый, диалог. При этом встает вопрос о сверхзадаче биокритики и автобиокритики, о том, должен ли биокритик открыть собственные архивы, и если да, то когда". Наконец, следует подчеркнуть, что бионарративный факт зависит от фрейма, что генеральную совокупность релевантных анекдотов невозможно определить безотнositельно к установкам авто/биографа, что выборочная совокупность эпизодов представленных в бионарративе подвержена ретроспективной ошибке, что здесь не только возможны, но и желательны альтернативные перспективы, на перекрестке которых разворачивается социально-историческая реальность и осуществляется ее осмысление в повседневной жизни и ученом дискурсе. Отсюда следует необходимость умножения перспектив и расширения круга лиц, чей голос представлен в бионарративе.

Я хочу закончить свой непомерно разросшийся комментарий приглашением к диалогу — не только диалогу Алексея и Шалина, но и всех упомянутых и неупомянутых людей, с которыми нам довелось делить судьбу.

Будь на то моя воля, я бы дал слово и Смирнову с Кутыриной, и Голоду с Елисеевой, и Осипову с Руткевичем, и Парыгину с Сиговым. Пусть выскажутся, если хотят. Может быть, и у них мы сможем чему-то поучиться. Или, по крайней мере, лучше их понять.

Такой диалог созвучен задачам биокритики, цель которой — изучение "воплощения-развоплощения-перевоплощения как взаимоконституирующих аспектов объективной реальности" и "дискурсивной, аффективной, и деятельностной составляющих эмоционально-интеллигентной демократии"⁵³.

⁵² Замечу по ходу дела, что формула "разгильдяйство = незаинтересованность + некомпетентность + безответственность" (ДС 1.125) требует уточнения. В книге приводятся множество примеров, где рабочие и служащие предприятия проявляют инициативу и смекалку, обнаруживают завидную выдержку и дисциплину, и действуют в высшей степени ответственно и заинтересовано. Я не солидаризируюсь с заводской администрацией в ее отрицании критических замечаний А. Алексея, но хочу подчеркнуть сосуществование нескольких режимов работы на предприятии, каждый из которых был разумной адаптацией условиям социалистического производства.

⁵³ Речь идет о работе так называемого Institutional Review Board (IRB) или Совета по институциональному надзору, офисы которого есть на каждом кампусе в Америке. См. IRB меморандум Университета Невады, http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Supplements/unlv_irb_memo.html.